

УДК 821.161.1

ОБРАЗЫ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В АСПЕКТЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОГО СЮЖЕТА РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

© 2018 г.

Е.М. Дзюба

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Н. Новгород

dsjubannov@list.ru

Поступила в редакцию 31.08.2018

Выявляются и анализируются сюжетные ситуации, в которых персонажи апеллируют к образам «старой» и «новой» немецкой культуры, музыки, литературы. Обозначены оппозиции «свой–чужой» и их варианты. Сделаны выводы о том, что обращение Тургенева к образам немецкой культуры позволяет выявить в романе эмблематический сюжет выбора как ключевой в период кризисного состояния общества.

Ключевые слова: роман «Отцы и дети», образы немецкой культуры, музыкальная образность, эмблематический сюжет, сюжетная ситуация выбора.

В современных отечественных исследованиях творчества И.С. Тургенева на первый план выходит анализ образа-детали, символики в произведениях писателя, сюжета героя, организующего смысловое пространство текста. Выразительная деталь, повторяющиеся подробности в тексте произведения воссоздают тот пласт романа, который при первом прочтении оказывается невыявленным. По справедливому замечанию О.В. Тимашовой, путь историко-культурологического комментария, расширяющий границы текста «Отцов и детей», до сих оказывается актуальным и продуктивным, с первых же страниц «вовлекает читателя в сложную систему координат, элементы которой будут разворачиваться по мере развития сюжета романа» [1, с. 316, 317]. Исследователь обнаруживает важную смысловую нагрузку, прочитывая сюжет сквозь призму символики камня и дерева в романских судьбах Николая Петровича, Павла Петровича, Базарова [1, с. 317–319].

Одним из ключей к тайнам персонажей Тургенева, безусловно, является интерпретация музыкальной образности произведения (шире – внимание к интермедальности как свойству тургеневских текстов), раскрывающей эстетическую и философскую концепцию автора. Значение музыкальной образности в произведениях Тургенева рассматривалось в отечественном и зарубежном литературоведении последних лет с позиций жанрового анализа (повесть Тургенева «Призраки» [2]), анализа музыкальных сюжетных жестов (роман «Отцы и дети» [3], рассказ «Певцы», повесть «Клара Милич» [4]). Внимание исследователей привлекали опыты Тургенева в области написания либретто, музыкальные тексты, созданные на ос-

нове тургеневских произведений (например, опера «Клара Милич» [5]).

Знаковым для тургеневской прозы является сюжет, складывающийся и динамически развивающийся во взаимодействии деталей «немецкого» историко-культурного контекста, в том числе и музыкального. В текстах произведений Тургенева бытовые, исторические детали, психологические жесты героев обретают, по слову Л. В. Карасева, эмблематическое выражение, «онтологический» сюжет произведения [6, с. 7, 8.]. Исследователь писал: «Художественно одаренный человек способен представить, нарисовать свой мир, сделав его общим достоянием уже в ином смысле. Теперь его персональная мифология становится моделью, образцом, эмблемой для обозначения целого типа онтологического смыслостроительства, имеющего отношение к очень многим людям» [6, с. 7].

Цель нашей работы – показать, как обращение Тургенева к *немецкой теме* в «Отцах и детях» (1862) способствует созданию *эмблематического сюжета романа*. Одной из центральных проблем романа «Отцы и дети» является поиск нового пути для России: главные герои задумываются о национальной идентичности или полемизируют на тему «русскости» – собственной принадлежности к национальному сообществу. Так, Евгений Базаров намеренно подчеркивает свою «русскость». Слова «русский» и «соотечественник» в сцене «схватки за вечерним чаем» (гл. X) неоднократно используются как аргументы в споре с Павлом Петровичем. С точки зрения Базарова, его оппонент далек от подлинно русской жизни, не умеет прямо выражать свои мысли, пользуется иностранными словами: «Аристократизм, либерализм, прогресс, прин-

ципы... Русскому человеку даром не нужны» [7, с. 158]. «Русскость» Базарова, как считает герой, дает ему право на критику отсталости и непросвещенности мужика, утверждающего, «что когда гром гремит, это Илья-пророк в колеснице по небу разъезжает»: «Он (мужик. – Е.Д.) русский, а разве я сам не русский» [7, с. 159]. Наконец, «с надменной гордостью» он подчеркивает свое преимущество перед Кирсановыми: «Спросите любого из ваших же мужиков, в ком из нас – в вас или во мне – он скорее признает соотечественника» [7, с. 160].

Павел Петрович Кирсанов, безусловно, вкладывает в понятие «русскость» отношение к национальной культуре: «Нам дорога цивилизация... дороги ее плоды» [7, с. 161]. С представлением о цивилизации для героя связаны такие устойчивые черты, как патриархальность, верность традиции, вера: «Нет, русский народ не такой, каким вы его воображаете. Он свято чтит предания, он – патриархальный, он вовсе не может жить без веры...» [7, с. 159]. Старший Кирсанов говорит Базарову: «Я вас за русского признать не могу» [7, с. 159]. «Народность», «русскость» Базарова в понимании Павла Петровича приравнивается к варварству: «Вы воображаете себя передовыми людьми, а вам только в калмыцкой кибитке сидеть!» [7, с. 161]. Он предрекает Базарову поражение от того народа, к которому герой по рождению и происхождению принадлежит: «миллионы... не позволят вам попирать ногами свои священнейшие верования, которые раздавят вас!» [7, с. 161].

Как можно заметить, в спорах героев формируются оппозиции, знаковые не только для выявления личной позиции, но и для определения вектора дальнейшего развития России: свой–чужой, варварский–цивилизованный, патриархальный–прогрессивный. При этом их составляющие не обладают абсолютным ценностным содержанием даже для выразителей той или иной точки зрения. Анализ романа позволяет увидеть, что формирование вектора оппозиции ситуативно и зависит от того, к каким именно ценностям немецкой культуры прибегает герой для доказательства правильности или ошибочности собственной позиции или позиции оппонента.

Образы немецкой культуры, возникающие на страницах романа, так же, как и современные героям исторические реалии российской действительности, условно разделены на «старые» и «новые». Прежние, «старые» немцы в романе связаны с высокой, духовной культурой: Гете, Шиллер, Шуберт. Они сформировали внутренний мир Николая Петровича.

«Новая» Германия представлена именами ученых естествоиспытателей, докторов, прагма-

тиков-материалистов: химик Юстус Либих, выдающийся немецкий терапевт Иоганн Лукас Шенлейн, врач Иоганн Готфрид Радемахер, создавший учение о симптоматике болезней. Василий Иванович Базаров, пытаясь найти общий язык с сыном, показывает, что и он не отстал от современной научной мысли: «Но мы и о френологии имеем понятие... – прибавил он, обращаясь более к Аркадию и указывая на стоявшую на шкафе небольшую гипсовую головку, разбитую на нумерованные четырехугольники, – нам и Шенлейн не остался безызвестен...» [7, с. 209].

Самого же Базарова Германия привлекает как родина позитивистской мысли. Не случайно настольной книгой, своеобразной материалистической Библией становится для него книга Бюхнера *Stoff und Kraft*. Ею он предлагает заменить все остальное чтение, ее Аркадий подкладывает Николаю Петровичу вместо Пушкина. Увлечение «новой» Германией в эпилоге романа иронически обыгрывается: на родину немецкого романтизма и немецкой науки приезжает Кукшина. Кукшина поменяла интересы, а ее появление вносит элементы специфической травести в атмосферу университетской жизни: «Она теперь в Гейдельберге и изучает уже не естественные науки, но архитектуру, в которой, по ее словам, она открыла новые законы. Она по-прежнему якшается со студентами, особенно с молодыми русскими физиками и химиками, которыми наполнен Гейдельберг и которые, удивляя на первых порах наивных немецких профессоров своим трезвым взглядом на вещи, впоследствии удивляют тех же самых профессоров совершенным бездействием и абсолютной ленью» [7, с. 274].

Новый культурный ландшафт Германии не устраивает Павла Петровича, который, считая себя наследником традиций, оказывается в не меньшей степени, чем Базаров, ниспровергателем авторитетов, заявляет, что вообще мало ценит любых немцев: «Что же касается до меня, – заговорил он опять, не без некоторого усилия, – я немцев, грешный человек, не жалую. О русских немцах я уже не упоминаю, известно, что за птицы. Но и немецкие немцы мне не по нутру. Еще прежние туда-сюда; тогда у них были – ну, там Шиллер, что ли, *Gemme*... А теперь пошли какие-то химики да материалисты» [7, с. 141–142].

На протяжении всего романа Тургенев подчеркивает некую двойственность поведения героев. Выбор персонажем культурно-исторической позиции, места жизни всегда оставляет возможность возвращения, переоценки, то есть оппозиция остается ценностно амбивалентной.

Демаркационная линия между «старой» и «новой» Германией проходит по литературным

пристрастиям героев и даже по творчеству одного поэта. Катя, например, не любит Г. Гейне, «ни когда он смеется, ни когда он плачет...», но ценит его, «когда он задумчив и грустит» [7, с. 247]. В увлечении немецким поэтом она видит следы того старого «сатирического направления», которое связывало Аркадия с Базаровым и, следовательно, с обличением ценностей старого мира и приветствием нового человека. Двойное восприятие творчества Гейне вполне соответствует настроению русской читающей публики и литературной критики второй половины XIX века. Так, Тургенев ценил поэтический дар Гейне, а критика Д.И. Писарева привлекала в нем та самая сатира, «сарказмы Гейне», которые роднили немецкого поэта с новым поколением» [8, с. 32]. Отрицая романтические отношения («любовь в смысле идеальном... называл белибердой»), Базаров вместе с тем отказывается и от романтической культуры прежней Германии (а вместе с тем – и России: перевод баллады Ф. Шиллера «Рыцарь Тогенбург» был сделан В.А. Жуковским в 1818 г.), «выражая свое удивление, почему не посадили в желтый дом Тогенбурга со всеми миннезингерами трубадурами» [7, с. 190; 9, с. 99–100].

В развитии эмблематического сюжета романа «Отцы и дети» важную роль играют музыкальные мотивы и их сюжетная аранжировка. Музыкальные образы становятся продолжением диалога между героями романа. Тургенев заменяет реплику персонажа, содержащую энергию логического убеждения, энергией эмоционального воздействия. Эпизод с отрицанием патриархальности и традиционности русского народа («Русский мужик бога слопаёт»), связи природы и божественного начала («Природа не храм, а мастерская») [7, с. 164] разрешается не репликой оппонента Базарова – Аркадия, а изображением «сладостной мелодии», звука, извлекаемого из виолончели Николаем Петровичем: «Медлительные звуки виолончели долетели до них из дому в то самое мгновение. Кто-то играл с чувством, хотя и неопытной рукою *Ожидание* Шуберта, и медом разливалась по воздуху сладостная мелодия» [7, с. 154]. Мелодия Шуберта, возникающая из-под неуверенных пальцев Николая Петровича, образует внутритекстовую антитезу нигилистическим рассуждениям Базарова. Этот прием, устойчивый в творчестве Тургенева, выявляет авторское отношение к образам искусства, прежде всего музыкального, как к идеальному камертону в определении позиции персонажа и повествователя. Подробный анализ роли музыки и музыкальных образов содержится в недавней работе профессора Х.-Ю. Геригка «Тургенев и

музыка. Сопоставление с Достоевским и Толстым» (Turgenjew und die Musik. Ein Vergleich mit Dostoevskij und Tolstoj), изданной в сборнике материалов Тургеневской конференции – 2017 года в Баден-Бадене.

Анализируя произведения Тургенева (рассказ «Певцы», повесть «Клара Милич», «Дворянское гнездо» и др.), автор устанавливает важные связи между тургеневским восприятием музыки и восприятием музыки в немецкой романтической эстетике. «Агностик Тургенев», замечает ученый, в отличие от «религиозных мыслителей» Толстого и Достоевского обращается к музыке, которая позволяет ему передать моменты его существования, приблизиться к бесконечному, к трансценденту, «пересечь границы языка», открыть выход в бесконечность. По мысли Х.-Ю. Геригка, музыка представляет для Тургенева то, что для остальных русских авторов представляет религия: «Bei Turgenjew hat die Musik die Religion ersetzt. Die Musik leistet für Turgenjew das, was für andere Autoren die Religion leistet» [4, S. 12–13]. В этом смысле Тургенев-автор напоминает героя В.Г. Вакенродера, музыканта Йозефа Берлингера (*Herznergiessungen*, 1797), для которого занятия музыкой, восприятие музыки есть приобщение к божественному началу: «Joseph Berlinger liefert uns, wie ich meine, «ex negativo» auch den Schlüssel zur Psychologie der Weltanschauung eines Dostojwskji und eines Tolstoj. Denn: Beide sind missionerische Christen und billigen deshalb der Musik keine Sonderrolle unter den Künsten zu, die allesamt der Leitkultur des christlichen Glaubens zu gehorchen haben, um positive «zu infizieren» (Tolstoj's Wort). Turgenjew jedoch überzeugter Agnostiker und Vereher Schopenhauers hat mit dem Christentum nichts in dem Sinn» [4, S. 13–14].

Восприятие музыки самим Тургеневым, проявленное в музыкальном образе текста – *Ожидании* немецкого композитора Ф. Шуберта, – помогает внести существенное дополнение к эмблематическому сюжету «Отцов и детей»: музыка выражает любовь, красоту и приближает к трансценденту. Дальнейшие комментарии оказываются бесполезными.

К «старым» немцам тяготеет и Катя, играющая Моцарта, любовь к которому разделяет Аркадий. Однако «це-мольной сонате-фантазии Моцарта» как музыкальному образу-детали отведена в романе особая роль. С одной стороны, музыкальный образ, воспроизведенный Тургеневым, подчеркивает общность интересов Аркадия и Кати: оба разделяют увлечение классической музыкой, и это значит, что Аркадий близок к тому, чтобы окончательно проститься со своим нигилистическими увлечениями. Выбор музыкального образа –

сонаты с жанровым подзаголовком «фантазия» также является маркером эмоционального начала, свободы, импровизации, *романтического* восприятия музыки [2, с. 113–114].

С другой стороны, развитие музыкального образа в игре Кати свидетельствует о его амбивалентной природе. Если Катя и Аркадий делают выбор в пользу традиционных ценностей, то отношения Базарова и Одинцовой готовы прерваться. Именно об этом свидетельствуют «горестные» ноты, «порывы... почти трагической скорби...» «посреди пленительной веселости беспечного напева» [7, с. 186].

Развитие любовных отношений центральных персонажей романа также соотносено с Германией. В Бадене странный роман Павла Петровича и княгини Р. возобновляется с особой силой. Ускользящая любовь, «непонятный, почти бессмысленный, но обаятельный образ возлюбленной» оказываются на вполне достигаемом расстоянии от Павла Петровича: «никогда еще она так страстно его не любила» [7, с. 145]. Анна Сергеевна Одинцова лишь однажды вместе с сестрой выезжала за границу, «но побывала только в Германии». Ее пытливый ум и рациональное отношение к жизни тем не менее не мешают ей, отказавшейся от поисков любви, именно в Германии (у Тургенева нет других указаний) коротко предаться романтическому чувству: «Раз она где-то за границей встретила молодого, красивого шведа с рыцарским выражением лица, с честными голубыми глазами под открытым лбом; он произвел на нее сильное впечатление...» [7, с. 188]. О романтическом настрое Анны Сергеевны здесь сообщают оценочные характеристики шведа, главной из которых является «рыцарское выражение его лица». Короткое увлечение выявляет устойчивые, дремлющие под спудом жизненных обстоятельств ценностные ориентации. Именно рыцаря Тогенбурга припомнит Базаров, пытаясь отвлечься от надвигающегося любовного чувства. Однако, как замечает Тургенев, «это не помешало ей вернуться в Россию» [7, с. 188].

Наконец, Николай Петрович, захав на постоялый двор, который содержала мать его будущей возлюбленной и супруги Фенечки, и, увидев «чистоту отведенной ему комнаты», пребывает в приятных размышлениях: «Уж не немка ли здесь хозяйка» – так поразила его чистота комнаты [7, с. 150].

Мы уже упоминали о том, что Катя играет Аркадию Моцарта, и герой, занятый совершенно иными мыслями, все же замечает: «недурно играет эта барышня, и сама она недурна» [7, с. 186]. Даже Базаров в непосредственной близости к объяснению с Одинцовой рассматривает

виды Саксонской Швейцарии. Таким образом, в романе упоминание о Германии, ассоциации и проекции немецкой темы в любовные отношения связаны также с функцией выбора.

Часто этот выбор соотносится с ощущением неопределенности или неуверенностью героя в устойчивости ценностных ориентаций, предлагаемых новыми временами. Провинциальный доктор Василий Иванович Базаров, обращающийся к новым немецким авторитетам, так же, как и Николай Петрович Кирсанов, признающий вечные ценности культуры, но не желающий отставать от новых веяний жизни (слышал о Либихе), интуитивно оценивает всю относительность течения жизни: «Ведь вы нам на смену пришли. И в мое время какой-нибудь гуморалист Гоффман, какой-нибудь Броун с его витализмом казались смешны, а ведь тоже гремели когда-то. Кто-нибудь новый заменил у вас Радемахера, вы ему поклоняетесь, а через двадцать лет, пожалуй, и над тем смеяться будут» [7, с. 262].

Итак, сквозь призму образов немецкой музыки, литературы, имен поэтов и естествоиспытателей читатель прочитывает сюжет о судьбе России и русского человека, оказавшегося перед выбором во второй половине XIX столетия.

Ю.В. Манн заметил, что роман «Отцы и дети» содержит в себе «большую философскую проблему, и конфликт Базарова с окружающим исполнен высшего значения» [10, с. 67]. Тургеневский герой художественно зафиксировал новое кризисное состояние человека в современном ему мире: начало процесса его отдаления от природы, распад гармонических отношений между природой и человеком, который не ощущался в прежние времена, прежде всего, как заметил ученый, «при пантеистическом и философско-систематическом отношении к природе» [10, с. 63].

Кризис сознания Базарова, отражающий трагическое мироощущение героя, вписан в эмблематический сюжет выбора родины и судьбы остальными персонажами романа. Развитие этого сюжета отмечено знаковыми, акцентными событиями, сопряженными с осмыслением немецкой темы: любовь, прогресс, будущее, выбор.

Обращение к немецкому образному ряду в романе выглядит обоснованным, если учесть, что понятие «родная страна, родина» (*die Heimat*) в немецком языке означает и «страна отцов» (*das Vaterland*) и является аналогом русского «отечества». Семантика названия делает возможным и уместным частотность проявлений немецкой темы в романе «Отцы и дети». Кроме того, известен факт немецкого перевод-

ческого варианта названия романа – *Väter und Söhne* / «Отцы и сыновья», против которого автор не возражал [11, с. 292, 312].

Сюжет выбора, построенный на оппозициях (свой–чужой, цивилизованный–варварский, старый–новый, патриархальный–прогрессивный), стороны которых, как мы уже заметили, не обладают абсолютным ценностным содержанием, апеллирует к образной системе, которая располагается за пределами собственной культурно-исторической среды – в Германии (музыка, литература, любовное чувство, знание). Эта апелляция вполне закономерна в условиях, когда очертания «дома», родины, отечества еще не сложились. По мысли Т.И. Радомской, поиск и обретение «ума» Чацким сопровождаются для героя потерей «отечества», «дома», который он так и не сможет найти [12, с. 42, 50]. Знакомство с европейской цивилизацией, начавшееся для русского человека с путешествий, образующих ум и душу (Тредиаковский, Ломоносов, Радищев, Карамзин), часто заканчивалось глубокой внутренней драмой с самим собою и окружающим миром (Чаадаев). Отчуждение героев от дома, в том числе и отчуждение, испытанное в Германии, потеря или обретение и обустройство дома – важные знаки развития сюжета романа. Они также указывают на определенное сходство в судьбах героев-оппонентов.

Так, Павел Петрович и Евгений Базаров претендуют на идентичность собственной национальной среде, считают себя русскими. Однако при этом оба персонажа не имеют собственного дома или чувствуют себя здесь чужими. Павел Петрович живет в имении брата, а Базаров не считает возможным надолго задерживаться ни в имении родителей, ни в поместье Одинцовой. Оба героя нарушили во время своих идеологических споров основной закон русской жизни – пренебрегли гармонией дома, духовного пристанища еще в «сцене схватки за вечерним чаем». Семейный вечер в усадьбе Кирсановых не примирил противников, ибо и Кирсанов, и Базаров переступили через законы гостеприимства.

В финале романа последним пристанищем для Павла Петровича становится саксонская столица Дрезден. Причудливо переплетаясь, судьбы Павла Петровича и Евгения обнаруживают точки пересечения. Будто совершенно случайно Базаров в доме у Анны Сергеевны рассматривает «виды Саксонской Швейцарии» [7, с. 183].

Сами того не замечая, помимо собственной воли, герои ищут аргументы вне российской действительности, обнаруживают свое пристрастное отношение к Германии. На новое мировоззрение, на Германию позитивистов-прагматиков ориентируется Базаров. Но виды Саксонии так

и останутся для него картинками в альбоме Одинцовой. Вместо него саксонскими пейзажами вынужден будет «наслаждаться» в Дрездене потерявший отечество Павел Петрович. *Das Vaterland* заменит для *Herr Baron von Kirsanoff* страну его отцов: «Стоит взглянуть на него в русской церкви, когда, прислонясь в сторонке к стене, он задумывается и долго не шевелится, горько стиснув губы, потом вдруг опомнится и начнет почти незаметно креститься...» [7, с. 274].

Единственным, но, на наш взгляд, значимым местом пересечения и совпадения для потерявших свой дом и родину героев – Павла Петровича и Базарова – станет сакральное топоним: храм православной церкви немецкого Дрездена и храм природы на небольшом сельском кладбище, принявший под свои своды блудного сына. Однако возможность этого пересечения возникнет только в тот момент, когда отдаление героев от родины достигнет критической отметки.

Итак, в романе Тургенева «Отцы и дети» образы, связанные с немецкой культурой, позволяют выявить знаковые, смыслообразующие фрагменты текста, которые, в конечном счете, и образуют эмблематический сюжет произведения о выборе, судьбе и доме.

Список литературы

1. Тимашова О.В. Некоторые дополнения к комментарию романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» // И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. М.; СПб., 2012. С. 316–329.
2. Полякова К.В., Курылева М.В. Жанровое своеобразие повести И. С. Тургенева «Призраки» // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2017. Т. 159. Кн. 1. С. 107–120.
3. Непомнящий И.Б. О некоторых «неучтенных» проекциях образа Евгения Базарова // Балтийский филологический курьер. 2014. № 4. С. 76–92.
4. Gerigk H.-J. Turgenjew und die Musik. Ein Vergleich mit Dostoevskij und Tolstoj [Электронный ресурс] // Turgenjew- Konferenz .in Baden-Baden: Mattes Verlag, Heidelberg, 2017. S. 24. Режим доступа: <https://www.horst-juergen-gerigk.de/aufs%C3%A4tze/turgenjew-und-die-musik/> (дата обращения: 15.05.2018).
5. Самородов М.А. Интермедийная поэтика прозы И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова в свете интерпретации их произведений оперными либреттистами: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 22 с.
6. Карасев Л.В. Онтологический взгляд на русскую литературу. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. Вып. 9. Литературно-художественные архетипы и универсалии. 104 с.
7. Тургенев И.С. Отцы и дети // Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 7. С. 125–275.

8. Стадников Г.В. Русский этюд о немецком поэте и журнальная полемика 1860-х годов // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. М., 2012. Т. 9. С. 29–34.

9. Лебедев Ю.В. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» М.: Просвещение, 1982. 144 с.

10. Манн Ю.В. Тургенев и другие. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. 630 с.

11. Лукина В.А. Тургенев – редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание) // И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. М.; СПб., 2012. С. 298–315.

12. Радомская Т.И. Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX века. Опыт духовного, семейного, государственного устройства. М.: Совпадение, 2006. 240 с.

THE IMAGES OF GERMAN CULTURE IN THE ASPECT OF REVEALING THE EMBLEMATIC PLOT OF I. TURGENEV'S NOVEL «FATHERS AND SONS»

Е.М. Dziuba

In this paper, we analyze plot situations, in which the characters turn to the images of the «old» and «new» German culture, music, literature. The «us-them» oppositions and their variants are identified. It is concluded that Turgenev's reference to the images of German culture makes it possible to reveal in the novel the emblematic plot of choice as the key one in the crisis state of society.

Keywords: novel «Fathers and Sons», images of German culture, musical imagery, emblematic plot, plot situation of choice.

References

1. Timashova O.V. Nekotorye dopolneniya k komentariyu romana I.S. Turgeneva «Otcy i deti» // I.S. Turgenev. Novye issledovaniya i materialy / Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. М.; СПб., 2012. С. 316–329.
2. Polyakova K.V., Kuryleva M.V. Zhanrovoe svoeobrazie povesti I. S. Turgeneva «Prizraki» // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2017. T. 159. Kn.1. S. 107–120.
3. Nepomnyashchij I.B. O nekotoryh «neuchtennyh» proekciyah obraza Evgeniya Bazarova // Baltijskij filologicheskij kur'er. 2014. № 4. S. 76–92.
4. Gerigk H.-J. Turgenjew und die Musik. Ein Vergleich mit Dostoewskij und Tolstoj [Elektronnyj resurs] // Turgenjew- Konferenz .in Baden-Baden: Mattes Verlag, Heidelberg, 2017. S. 24. Rezhim dostupa: <https://www.horst-juergen-gerigk.de/aufs%C3%A4tze/turgenjew-und-die-musik/> (data obrashcheniya: 15.05.2018).
5. Samorodov M.A. Intermedial'naya poetika prozy I.S. Turgeneva, L.N. Tolstogo i A.P. Chekhova v svete interpretacii ih proizvedenij opernymi librettistami: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2015. 22 s.
6. Karasev L.V. Ontologicheskij vzglyad na ruskuyu literaturu. M.: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 1995. Vyp. 9. Literaturno-hudozhestvennye arhetipy i universalii. 104 s.
7. Turgenev I.S. Otcy i deti // Turgenev I.S. Sobranie sochinenij: V 10 t. M.: GIHL, 1961. T. 7. S. 125–275.
8. Stadnikov G.V. Russkij ehtjud o nemeckom poehte i zhurnal'naya polemika 1860-h godov // Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossijskogo soyuza germanistov. M., 2012. T. 9. S. 29–34.
9. Lebedev Yu.V. Roman I.S. Turgeneva «Otcy i deti» М.: Prosveshchenie, 1982. 144 s.
10. Mann Yu.V. Turgenev i drugie. М.: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2008. 630 s.
11. Lukina V.A. Turgenev – redaktor nemeckogo perevoda romana «Otcy i deti» (Mitavskoe izdanie) // I.S. Turgenev. Novye issledovaniya i materialy / Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. М.; СПб., 2012. С. 298–315.
12. Radomskaya T.I. Dom i Otechestvo v russkoj klassicheskoj literature pervoj treti XIX veka. Opyt duhovnogo, semejnogo, gosudarstvennogo ustroeniya. М.: Sovpadenie, 2006. 240 s.